

присутствовала делегация жрецов из Ижевска, среди которых был и Альберт Разин⁷⁰.

Форма одежды

Исторически существовала форма одежды как для участников, так и для жрецов коллективных обрядов. По крайней мере, на имеющихся у нас фотографиях конца XIX века (Sadikov & Mäkelä 2009) видно, что все присутствующие одеты в белое. Правда, фотографии сделаны в другом месте, но это не слишком далеко от Татышлинского района. Они сделаны в районе с. Калтасы, а их автор – финский этнограф Юрьё Вихман. Тем не менее, изображения подтверждают сказанное прежде в других источниках. К сожалению, до конца XX века не было серьезного исследования Татышлинского района.

Поскольку молитвы были обращены к “Белому Богу”, все люди должны были одеться в белое, и действительно, в гардеробе каждого был предмет одежды святого дня для этой цели, – отрез домотканого полотна, называемый *шортдерем*. Были короткие *шортдеремы* как для мужчин, так и для женщин. К сожалению, у нас нет подобных визуальных свидетельств о предварительном периоде истории этой одежды. Мы знаем, что домашнее прядение постепенно переставало быть единственным или даже одним из способов получения одежды, и существующие *шортдеремы* начала 1960-х годов являются последними. Более того, они исчезают вместе с кончиной владельцев, так как используются в качестве погребальной одежды. Так что в начале XXI века осталось лишь несколько образцов, которые все еще используются владельцами. И старушки, у которых была такая одежда, использовали ее во время обрядов (ПМА 2016⁷¹). Как и те немногие из жрецов, у кого она была. *Шортдерем* представляет собой накидку до щиколоток из беловатого домотканого материала с тонкими вертикальными полосами, подпоясанную своеобразным поясом. Этот пояс мог быть и домотканым, как в Удмуртии, но обычно в изучаемом регионе жрецы подпоясывались

---

⁷⁰ Который спустя несколько месяцев, в сентябре 2019 года, стал печально известен самоожжением в центре Ижевска в знак протеста против языковой политики российского правительства.

⁷¹ В Нижнебалтачевском *гурт вöсь* мы видели, как ее носила пожилая Анфиса Бамиева, 03/06/2016.

длинным вышитым полотенцем с красным или, реже, синим узором⁷². Этот пояс был и остается центральным эмблематическим элементом костюма жреца.

Но на что были заменены *шортдеремы*? Для жрецов самым важным аспектом костюма был цвет. Поэтому вместо старого наряда жрецы использовали обычные белые медицинские халаты. Несомненно, им не хватало торжественности, но символически они были правильными.

XXI век принес обновление и многообразие жреческого костюма. В Татышлинском районе некоторые люди до сих пор используют традиционный *шортдерем*: старик Назип Садриев владеет им и одевается в него, когда участвует в ритуале, а у вязовского жреца Филарита Шаймарданова есть такой же, которым он гордится. Он даже предложил подарить его нашей группе, но мы предпочли, чтобы он использовал его по прямому назначению. До 2013 года все остальные жрецы в районе использовали медицинские халаты, и многие продолжают использовать их и в 2021 году, когда мы пишем этот текст. Однако уже на зимних церемониях 2013 года жрецы алгинской группы носили похожий халат из коммерческой ткани, немного напоминающий материал *шортдерема*, с гораздо более широкими вертикальными полосами. Судя по всему, кооператив “Демен” купил ткань и профинансировал изготовление этих халатов, причем в большом количестве, чтобы у всех жрецов алгинской группы был особый костюм для коллективных ритуалов.

Тем временем жрецы, молящиеся в вильгуртской группе, продолжают использовать свои медицинские халаты, хотя Фридман и получил в подарок от друзей *шортдерем* из коммерческого материала, но очень похожий на оригинальный, а в других районах жрецы начали добавлять к халатам декоративные элементы красного или зеленого цвета, отсылающие к удмуртским узорам. Идея в том, чтобы придать характеру жреца более радостный вид, чем тот, который передает традиционный строгий костюм.

Что касается простых жителей, то можно лишь констатировать факты, так как информации в XX веке практически не было. Очевидно, что в этот период обязательство быть облаченным в белое перестали принимать во внимание. Об этом помнят только очень пожилые женщины, которым осталось недолго, да и *шортдерем* их тоже вряд ли переживут. Обычной обрядовой одеждой для женщин долгое время был удмуртский традиционный наряд, причем ярких цветов, по возможности светлых. Так было и в 2013 году. Однако в течение семи последующих лет мы

---

⁷² Владик Хузимарданов использует пояс с синими узорами, д. Алга 14/06/2013 и др.

наблюдали, как количество вариантов сокращалось: в 2021 году большинство женщин носят обычный церемониальный наряд западного образца или костюм, лишь некоторые, как правило, пожилые женщины, по-прежнему носят удмуртскую традиционную одежду.

Еще одним необходимым элементом дресс-кода является головной убор, как для мужчин, так и для женщин. Это интересно, поскольку фотографии Вихмана показывают, что в 1895 году у мужчин не было головных уборов или они просто не надевали их, а женщины носили платки. Атаманов подтверждает, что это было правилом в течение долгого времени (Атаманов 2020: 139, 153). Для женщин это правило действует до сих пор, и они обычно носят платок, даже если остальная их одежда не имеет ничего общего с удмуртской. Для мужчин правило прямо противоположно прошлому, т.е. сейчас они должны покрывать голову. Мужчины носят все, что у них есть, обычно это светлые кепки, белые, бежевые или серые. Черный головной убор не рекомендован, хотя иногда его можно увидеть. Сегодня жрец надевает такой же головной убор, но еще жива память о старых временах, когда жрец носил головной убор, обернутый белой тканью. Старшие жрецы, например, уже упомянутый жрец из с. Вязовка, до сих пор носят такой (ПМА 2017), а Назип Садриев даже показал нам, как оборачивать ткань (ПМА 2017).

Среди прочих правил, связанных с одеждой, есть некоторые табу, которые соблюдаются всеми присутствующими в местах жертвоприношений. Кроме того, что голова должна быть покрыта, важно, чтобы руки и ноги также были закрыты. Если какой-то юноша приходит в шортах, его тут же отправляют домой, чтобы он оделся правильно, не допускаются и короткие рукава. Когда Ранус, забыв об этом правиле, пришел на церемонию в коротких рукавах, жена жреца из д. Арибаш отметила, что в начале церемонии важно, чтобы руки были прикрыты, и дала ему пиджак. Это напомнило нам наблюдение с весеннего поминовения мертвых в д. Петропавловка (ПМА 2019⁷³): когда началось поминовение и все сели за стол, женщины надели куртки и кофты; нам сказали, что мертвые не увидят нас, если наша кожа будет полностью открыта. Это также напоминает правило, которому следует во время ритуала *võсь нерге* родственная группа *бöляк* в Варклед-Бодья (подробнее см. Toulouze & Anisimov 2020b).

Наконец, следует добавить, что соблюдение этих правил имеет огромное значение для закамских удмуртов и особенно для жрецов, которые часто жалуются, что сегодня люди не знают, как себя вести. Жрецы

---

⁷³ Весеннее поминовение (удм. *тульыс кисьтон*) наблюдавшийся Евой Тулуз и Николаем Анисимовым, 07/05/2019.

стремятся наставлять население всеми доступными способами. Во время *Элен вӧсь* Анатолий Галиханов всегда обращается к собравшимся в конце молитвы, объясняя правила. У него также есть страница в социальной сети “ВКонтакте”⁷⁴, и он часто публикует инструкции, объясняющие, что нужно делать в тех или иных случаях и каковы правила ритуального поведения. Информация о том, как вести себя в время обряда, также регулярно публикуется в региональной удмуртской газете “Ошмес” (Toulouze & Anisimov 2020), одним из самых активных авторов которой является Лилия Гараева, жена арибашского жреца (Гараева 2020: 2).

Порядок проведения коллективных ритуалов

В Татышлинском районе ход обрядов, с одной стороны, в целом довольно сходен, но с другой – от деревни к деревне может значительно отличаться в деталях.

Мы сначала прокомментируем наиболее сложные обряды в местах, где была сохранена преемственность, а затем покажем, каким образом они были упрощены в местах, где позднее произошло возрождение, например, после перерыва в исполнении этих обрядов. Собственно мы придерживаемся гипотезы, что наиболее сложные ритуалы являются наиболее древними и что в ходе последующих эволюций и изменений некоторые черты были утрачены, и эта гипотеза подтверждается данными. Мы знаем, что в некоторых деревнях существует полная преемственность обрядов, по крайней мере, с 1940-х годов. В д. Малая Бальзюга Назип Садриев зафиксировал и передал правила ритуалов своей молодости.

Хотя существуют некоторые различия в ходе проведения обряда в зависимости от того, на каком уровне он проводится, общая структура и характер действий остаются одинаковыми в рамках конкретной традиции. Если на уровне деревни обычно молится один жрец и закалывается одно животное, то на уровне группы деревень и на региональном уровне количество жрецов зависит от того, сколько деревень участвует в церемонии и сколько животных приносится в жертву. Общее правило заключается в том, что количество жрецов должно соответствовать количеству овец. Обычно в деревенской церемонии участвует меньше помощников и простых людей, чем в церемонии с участием нескольких деревень.

⁷⁴ См: <https://vk.com/id82757120>.

Далее следует описание различных фаз стандартного процесса проведения коллективных молений. Мы стараемся выделить общие черты обряда по всему Татышлинскому району, а также основные различия в различных традициях проведения обрядов, как в пределах района, так и за его пределами.

Подготовка

Подготовка требует одновременного выполнения множества различных, но везде тех же задач.

Во-первых, организатор церемонии *вось кузё*, или сам жрец, должен убедиться, что у него есть необходимые продукты для проведения обряда, такие как овца, зерно, масло; соответствующее место, дрова для костра, вода для приготовления пищи.

Ингредиенты для каши должны быть собраны в деревне. В Татышлинском районе это общее правило. Если есть желание, чтобы вся деревня получила пользу от молитвы и жертвоприношения, то подношения должны быть от всей деревни. То есть зерно, масло и деньги на покупку овцы должны быть от всего населения. Если жертвенное животное приносит одна семья, то выгода от церемонии достанется этой семье, а не всем жителям деревни. Это отличается от практики в других местах или в других церемониях, например, в Кизганбашево Балтачевского района, по словам жреца, в жертву приносят столько овец, сколько предлагает население. В 2015 году, например, они принесли в жертву 12 овец (ПМА 2016⁷⁵).

Способ сбора ингредиентов может отличаться в зависимости от деревни. В д. Малая Балзьюга две команды мальчиков-подростков посещают все дома в деревне, собирая зерно, масло и деньги. В других деревнях сбором могут заниматься пожилые мужчины, как в с. Новые Татышлы и с. Уразгильды, или женщины, как в д. Петропавловка. По словам наших информантов, участвуют все, и никто никогда не отказывается.

В Татышлинском районе, как и в Бураевском, принято приносить в жертву овцу. Жертвенное животное должно быть здоровой самкой, которая уже родила. Однако это не везде так. В д. Арибаш, в том же районе, жертвенным животным является баран, поскольку моление проходит по правилам святого места, где раньше проводилась церемония Керемет, на которой в жертву приносились только животные мужско-

---

⁷⁵ Информация получена Евой Тулуз и Ранусом Садиковым от жреца Тимерхана Апсаликова (род. 1952), 07/06/2016.

го пола. В Янаульском районе, например, на последней из весенних церемоний (проводится в начале июля) Ёштыяк вӧсь в Каймашабаше, в жертву приносят только баранов. Местный жрец объяснил Еве, что в жертву должно быть принесено животное мужского пола, кровь которого никогда не проливалась (ПМА 2019). Таким образом, разные параллельные правила, отвечающие разным логикам, существующим параллельно. Поэтому неизбежно столкновение в общих ритуалах, таких как *Элен вӧсь*, где каждая группа действует так, как считает нужным (см. выше, ПМА 2018). В некоторых случаях в жертву могут приноситься другие животные, как это произошло в декабре 2016 года на *мӧр вӧсь* в с. Новые Татышлы, где была возможность принести в жертву гуся для благополучия всех птиц. Однако если гуся нет, то этот ритуал не является обязательным. Назип Садриев сказал, что он тоже приносил в жертву гуся, но в нем недостаточно мяса, чтобы это было целесообразно.

Каждый год овцу продает разный житель деревни. Торговаться не принято, они принимают любую цену, которую предложит за нее жрец. Поэтому люди также предлагают деньги, как во время сбора еды по домам, так и во время ритуала. В селах других районов правила иные, как и логика, стоящая за ними: мы уже упоминали, сколько овец приносили в жертву в Кизганбашево, а о Каймашабаше можно добавить устную информацию, что в 2019 году использовали 40 котлов⁷⁶. Обычно за овцу давали около 3 000 рублей, а когда ритуалы проводил Назип Садриев, он платил от 2 500 до 3 000 в зависимости от веса животного. Сейчас сумма фиксированная.

Подготовка священного места может включать в себя различные мероприятия. Если ограда была повреждена, ее необходимо привести в порядок. Чаще всего просто косят сено, так как никто не поддерживает священное место в рабочем состоянии между обрядами. Обычно эти работы начинаются во время первой молитвы, *сӱзиськон*, и завершаются утром в день обряда перед приходом людей. Подготовка проводится и зимой, чтобы гарантировать доступность священного места. Когда в декабре 2013 года мы присутствовали в Алге на *сӱзиськоне* перед *мӧр вӧсь*, нам пришлось преодолеть 300 метров снега, доходившего Еве почти до пояса. Но на следующее утро тракторы расчистили дорогу для жителей деревни.

Обычно в священном месте заранее припасены дрова, стволы, которые нужно распилить на поленья. Один или два помощника занимаются этим во время обряда. Точно так же требуется много воды: котлы должны быть очищены, мясо и внутренности должны быть промыты,

⁷⁶ Устные сведения из полевых работ Николая Анисимова.

вода должна кипеть вместе с мясом, образуя бульон, и вода должна постоянно добавляться, чтобы компенсировать испарение. Поэтому часто священные места выбираются в непосредственной близости от источника воды. Воду обычно приносят непосредственно перед началом обряда и на протяжении всей его продолжительности.

В ритуальной зоне есть место для подношений, которые участники могут оставить, причем в разных деревнях действуют разные традиции. В д. Малая Бальзюга и с. Новые Татышлы – это место четко обозначено, хотя немногие оставляют ткань и другие подношения. Поэтому очень мало предметов для распределения между помощниками. В алгинской группе все совсем по-другому, как мы увидим позже.

Открывающая моление молитва *сйзиськон*

Одна из особенностей, которая в некоторых других районах и в некоторых селах Татышлинского района исчезла из структуры обрядов, – это молитва, произносимая перед началом жертвоприношения. Мы знаем, что раньше она совершалась за день до начала обряда, и в алгинской группе до сих пор так происходит во время обрядов *мөр вöсь* и *Багыш вöсь* как весной, так и зимой. Вечером накануне обряда к священному месту приходит небольшая группа, разводит костер и готовит кашу без мяса. Когда каша готова, жрец произносит молитву, которая похожа на молитвы, произносимые во время ритуала, за исключением того, что в ней только обещается жертвоприношение. Во время молитвы жрец держит миску с кашей на ткани на березовой или еловой ветке. Во время молитвы помощники стоят на коленях позади жреца, а после все вкушают кашу. Чтобы не терять время, ее часто варят из манки, как в алгинской группе. Затем группа подкладывает в огонь большие куски не совсем сухих дров, чтобы он продержался до следующего утреннего сбора. В деревенских ритуалах и в большинстве обрядов вильгуртской группы *сйзиськон* проводится утром до начала самого обряда жертвоприношения. Для каши используется та же крупа, что позже для “основной” каши.

Мы были свидетелями *сйзиськона* во всех обрядах алгинской группы, на которых мы присутствовали, и в большинстве обрядов вильгуртской группы. На церемонии в с. Уразгильда мы были удивлены тем, что не только не было молитвы, но участники и жрец не знали, что она должна быть. То же самое произошло в Вязовке и в д. Юда. В Асавке (Балтачевский район) совершалась *сйзиськон*, но каша была мучная, похожая на бешамель. В Каймашабаше (Янаульский район) тоже не

было молитвы. Напротив, в Большекачаково (Калтасинский район) эта молитва совершалась в специальном порядке за несколько дней до основного обряда.

В обоих случаях, независимо от того, проводится ли *сйзиськон* за день до или в тот же день, что и основной обряд, помощники разжигают огонь; в некоторых местах жрец сам это делает в рамках своих обязанностей. Там, где есть *сйзиськон*, меньший котел является лишь одним из котлов. Однако важно разжечь огонь и под большими котлами, потому что они понадобятся очень скоро. Правило для этих молений таково: первым ингредиентом, который насыпают в котел, является соль, а только потом вода. Нам не удалось выяснить происхождение этого правила, основной причиной всегда указывается “так делали старики”. Это правило известно только жрецам: в обычных домах, даже если каша предназначена для ритуальных целей, хозяйки о таком правиле не слышали.

Жертвоприношение

Жертвоприношение фактически везде является первым действием обряда, хотя и здесь есть различия: если в большинстве мест Татышлинского района жертвоприношение сопровождается молитвой, то в некоторых других местах, как и в других районах, оно совершается без молитвы. Такая практика вызывает недовольство у жрецов, привыкших к более продуманным сценариям, поскольку для них неприемлема идея лишения жизни без посвящения ее богам. Поэтому в местах, где обеспечена преемственность, двое помощников держат овцу и очищают ее, окропляя водой. Затем, пока жрец молится, другой перерезает ей горло ножом, но через травинку. Это общий способ заклания животного⁷⁷, даже вне ритуального контекста. Тот, кто перерезает горло, набирает в ложку первую кровь, вытекающую из раны, и трижды бросает ее в огонь.

В зависимости от года и предоставленных животных, может совершаться особое жертвоприношение Богу земли (Удм: *Му-Кылчин*). Животные, посвященные Му-Кылчину, должны быть черными. Их забивают немного по-другому: в земле должно быть подготовлено отверстие, куда выливается кровь, поэтому овцу обычно забивают у этого ямы. После этого все происходит так же, кроме того, что мясо нужно варить в специальном котле. Но как только оно готово, его можно смешивать с остальным мясом.

⁷⁷ Устные сведения от Николая Анисимова.

В это время жрец со своего места произносит молитву, а остальные “незанятые” помощники преклоняют колени. Жрец держит в руках хлеб, испеченный хозяином овцы, в который воткнута монета, символизирующая, по мнению местных жителей, богатство. Позже три ломтика хлеба бросают в огонь.

В других местах, как например, в Уразгильдах, во время забоя ничего особенного не происходит, он осуществляется так же, как и обычный забой.

В обоих случаях овцу несут к месту, где она будет разделана. Жрецы обычно не участвуют в разделке. Помощники работают быстро, они привыкли к этому не очень религиозному занятию. Они отрезают куски мяса, моют их и бросают в котел с кипящей водой. Традиционно те, кто забивает животное, стараются ножом перерезать суставы, чтобы не сломать кости (Sadikov 2019: 62). Сегодня помощники не гнушаются использовать даже топор, чтобы отделить куски мяса (ПМА 2018⁷⁸). Позже кости сжигают в костре под казанами.

Мытье внутренностей обычно является женской задачей. Это единственное, что разрешено делать женщинам. Назип Садриев сказал, что женщины спрашивали его, могут ли они участвовать, и он считает, что им можно разрешить участвовать в этом деле. В с. Новые Татышлы во время *mör wös* две пожилые женщины приходят к самому началу и моют котлы. Затем некоторые из них берут внутренности и несут их домой, чтобы очистить и вернуть обратно готовыми для бульона. В д. Малая Бальзюга такой женщины не было, но в 2014 году сын хозяйки овцы и помощник жреца Сидора Камидуллина позаботился о кишках. Иначе их бы сожгли. В с. Уразгильды одна молодая женщина присутствовала с самого начала и промыла внутренности в источнике на священном месте. В д. Арибаш этим занимались жены жрецов и помощников, которые мыли внутренности в ручье внизу в долине. В алгинской группе присутствие женщин более незаметно. В какой-то момент одна женщина приходит и забирает внутренности домой, а позже возвращается с результатом работы. В Асавке, в Балтачевском районе, женщины, которые заботятся о внутренностях, уходят дальше вниз по течению и моют их только в таком месте, где “святыня не могла этого видеть”. То же представление мы найдем и в связи с другим требованием. Подготовка к молениям – дело долгое. Место для туалета может быть, а может и не быть. Например, в с. Новые Татышлы, у входа в священное место, есть маленькая пристройка, хотя это единственное место, где мы ее видели.

---

⁷⁸ Беседа Евы Тулуз и Рануса Садикова с Раисом Рафиковым во время *гурт wös* в с. Новые Татышлы, 08/06/2018.

В остальных местах каждый находит свой способ решения проблемы. Общее условие – нужно идти дальше, чтобы “священное место не видело” этого занятия. В д. Арибаш Лилия Гараева привела Еву в достаточно далекое и низкое место, чтобы священное место, находящееся на вершине холма, не было видно.

Другие молитвы

После жертвоприношения правила проведения обряда расходятся, в зависимости от деревенской традиции.

После разделки мяса начинается долгий момент бездействия, пока варится бульон. Это время можно посвятить подсчету денег или просто общению. В наиболее проработанных сценариях уже было две молитвы. В других случаях – ни одной, и еще есть время. Для антропологов это хороший момент, чтобы задать вопросы жрецам. В это время происходят интересные беседы, как, например, в 2015 году на церемонии *Багыш вӧсь* у Евы состоялся разговор с главными жрецами Евгением и Фархуллой о необходимости обновить молитву и включить в нее новые проблемы современности (ПМА 2015). Конечно, помощники всегда должны следить за тем, чтобы было достаточно дров в костре и достаточно воды для бульона в котле.

Этот этап может быть довольно долгим, в зависимости от размера и возраста овцы. Когда мясо хорошо проварится, помощники вынимают все мясо из бульона. Затем команда помощников разделяется, одни занимаются мясом, отделяя его от костей, а другие высыпают в бульон зерно.

В самом замысловатом сценарии, после извлечения мяса из бульона, у жреца появляется новая задача: он должен найти некоторые части тела животного для следующей молитвы, которая будет произнесена над мясом. В качестве мяса выбирают часть головы, сердце, печень, одно правое ребро и часть правой ноги. Конечно, невозможно отличить в котле правую ногу или правое ребро от левого. Поэтому одна из задач помощников, которые кладут сырое мясо в котел, – пометить ребро и ногу, чтобы жрец точно знал, что кладет на свою тарелку правильные куски мяса. Перед тем как отправиться на место молитвы, жрец(ы) трижды обходят круг над котлом с мясным блюдом. Только после этого они молятся. Для этого помощники, сортирующие мясо, и те, кто мешают кашу, прерывают свои занятия и встают на колени для молитвы над мясом. Кроме того, помощники, зарезавшие животное, стоят за жрецом, касаясь тарелки с извлеченным мясом. После молитвы помощники и жрец съедают часть мяса, произнося отдельные молитвы, а затем возвращаются к своим

делам. Обычно нам, антропологам, тоже дают немного мяса, но только после того, как помощники получают и съедят свою часть. В алгинской группе Фархулла всегда заботилась о том, чтобы нашу компанию хорошо кормили, но при этом соблюдали внутренние правила обряда.

Сортировка мяса завершается перед приготовлением каши. Отсортированное мясо делят между котлами, а кости отдают детям (например, в д. Малая Бальзюга) или старшим женщинам (например, в с. Новые Татышлы), чтобы они грызли. К этому времени начинают прибывать односельчане, сначала небольшими группами, а когда каша уже близка к готовности, их становится все больше. Они приносят нитки, которые оставляют на месте, где молится жрец, а также оставляют ткань, носки, футболки в качестве подарков на шесте, приготовленном для этой цели. В алгинской группе, однако, ритуал более сложный. Сами участники не заходят в сакральную зону, а остаются снаружи, передавая свои подношения через ограду одному из жрецов, который произносит молитву и кладет их на шест. Действительно, в алгинской группе эти подношения происходят гораздо чаще, так что в конце обряда помощников ждет множество наград. А пока их основное занятие – помешивать кашу и регулировать ее густоту, добавляя при необходимости воду. Физически это нелегкая задача: каша становится довольно густой, и для ее перемешивания требуется все больше и больше сил, поэтому помощники чередуются за огромными котлами.

Когда каша готова, наступает время для следующей молитвы. Перед молитвой жрец держит в руках миску с кашей и делает три круга над котлом, наполненным кашей. Разумеется, все круги всегда по часовой стрелке – обратное движение у удмуртов связано со смертью. К этому времени все участники моления уже прибыли и готовы отведать каши. Тогда жрец обращается к людям и приказывает им встать на колени. После молитвы помощники поднимают котелки и подносят их ближе к участникам, которые выстраиваются в очередь, чтобы получить свою порцию.

Раздаваемые порции обычно не являются индивидуальными: как правило, участники приносят с собой одну миску и ложки по количеству членов семьи. Получив свою порцию, все едят ее небольшими группами родственников. Мы, антропологи, тоже считаемся группой родственников, и нас обслуживают вместе. Многие уносят часть освященной каши домой, поэтому помощникам часто приходится подносить им еще порцию. Но молитва еще впереди. Когда все поели, жрец берет в руки коробку, в которую люди положили свои денежные пожертвования. Он встает на колени, на этот раз с обнаженной головой, и читает последнюю

молитву – *жугесь*, молитву о деньгах, прося божества вернуть людям их подношения “сотнями и тысячами”.

После этого публичная часть моления завершается, и люди расходятся по домам.

Завершение

После ухода простых участников остается завершить действие и навести порядок. Сначала некоторые из помощников чистят котлы и складывают оставшуюся кашу в ведра, чтобы отнести ее в свои деревни. Другие пытаются погасить жертвенный огонь. В вильгуртской группе обходят вокруг очага и углей и проводят березовой веткой летом или еловой веткой зимой по центру очага. Они делают три оборота вокруг огня, и церемония завершается. В алгинской группе завершение обряда происходит несколько иначе: все помощники трижды обходят вокруг очага по индийскому образцу, делая одинаковые маховые движения по направлению к его центру. Жрец пользуется этим спокойным моментом, чтобы распределить среди помощников подношения из ткани, которые принесли участники, и символические монеты в знак благодарности за их помощь.

Обычно на этом все заканчивается. Однако в Малой Бальзюге мы стали свидетелями заключительной молитвы, которую больше нигде не видели (ПМА 2014). Присутствовали только помощники и, по случаю, антропологи. Все стояли, и Фридман молился в последний раз, а помощники отвечали ему “Омин” и кланялись. Когда молитва закончилась, все пошли к своим машинам с атрибутикой.

По окончании обряда ведра с оставшейся кашей относят в деревню (деревни) и раздают группе помощников, которые делят деревню между собой, чтобы отнести кашу жителям, не присутствовавшим на обряде. Этот процесс еще более зрелищен в случае *мёр вӧсь*, когда в ритуале участвуют девять или десять деревень. Понятно, что в основном участники из деревни, где проходит обряд, и ближайших селений, а большинство остальных представлены только жрецом и помощниками. Приготовленную кашу они забирают домой – и вполне обычно видеть, как целые котлы грузят в микроавтобусы или телеги, запряженные лошадьми.